

F ✱ W

FANTASY ✧ WORLD

ВЛАДИМИР МАЛЫГИН

МАНГУСТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М20

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 27

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Малыгин, Владимир Владиславович

М20 Мангуст: роман / Владимир Малыгин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 352 с. (Fantasy-world).

ISBN 978-5-17-113490-7

Дальняя окраина некогда могучего государства, разрушенного опустошительной войной и техногенными катастрофами. Да что государство? Последовавшие за всеми этими непотребствами природные катаклизмы перевернули карту мира и весь привычный уклад жизни, наделили выживших людей необычными способностями, а, словно в противовес этому, населили океаны и моря мутировавшими чудовищами. Непонятно, то ли назад откатилась цивилизация, то ли, наоборот, продвинулась далеко вперёд. Окраина... как всегда, плетётся в хвосте прогресса. В поле зрения исследовательско-охотничьей экспедиции попадает молодой парень, абориген с необычными способностями. Начинается охота...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113490-7

© Владимир Малыгин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Луч утреннего солнца пробрался меж тяжёлых колючих кедровых лап, пощекотал в носу и перебрался на правый глаз. Налетевший с моря ветерок качнул длинные острые иголки, шевельнул мохнатыми ветвями — и заметался, задрожал лучик, заморгал прерывисто, уколол в приоткрывшийся зрачок.

Апчхи! — сдавленно чихнул Славка, судорожно зажимая нос и стараясь, чтобы никто не услышал этого предательского чиха.

В общем-то можно было особо и не опасаться. Уже давно на эту всеми изученную сторону заброшенного кладбища старых кораблей никто не забредал. Ни одна живая душа не оживляла своим присутствием пустые ржавые остовы. Да и не могло быть по-другому. За многие годы после последней большой войны, или как её ещё называл старик — всеобщего апокалипсиса, всё более или менее ценное отсюда давно растащили. Оставались только медленно ржавеющие корпуса некогда могучих красавцев, столетие назад уверенно бороздящих моря и океаны, а теперь сонно доживающих последние десятилетия своей бурной и весёлой когда-то жизни.

Как давным-давно, рассказывал старый дед, с малолетства воспитывавший пацана и приучавший его к местной суровой жизни, сначала мир сотряс-

ли техногенные катастрофы, в соседней Японии разрушились прибрежные атомные станции, выбросив из своих бункеров смертельную для всего живого заразу и отравив и землю, и, что оказалось самым опасным, океан.

А потом и война началась. Как будто мало было людям этих катастроф. Так ещё и ракетами ударили... с ядерными зарядами. И что получилось в итоге? Как горестно качал плешивой головой с редкими пучками седых волос старый дед, наступил всеобщий кирдык. Нет, люди-то кое-где уцелели, начали выживать. Вот только наступившие годы Великой Тьмы очень уж затруднили им эту задачу. И похолодание навалилось, пришла Великая Стужа. Как будто мало было той ядерной заразы, после которой в океане чего только не расплодилось. И каких только монстров не выкидывало порой яростным штормом на берег. И земля изменилась, встряхнулась, словно решила избавиться от выживших из ума людишек. На старых картах, ещё довоенных, можно было посмотреть на сушу, какой она была до общей катастрофы. А теперь, в основном, только лишь солёная вода вокруг. Океан и раньше занимал основную часть земного шара, а уж после совсем распоясался. Говорят, где-то далеко в центре осталась нормальная жизнь, да где он, этот центр? Последствием очередной такой «встряски» планеты явилась огромная волна, смывшая прибрежные, и не только, города и посёлки. Волна схлынула, а вода осталась. Дед говорил, что у нас вода, а где-то, наоборот, новая земля появилась. Да-а. Отсюда и произошли вот такие кладбища старых кораблей и другого мусора когда-то могучей цивилизации, выброшенные далеко на сушу, спрессованные в неопределимую массу, успокоившуюся в распадах

когда-то высоких сопок и гор. Осел пепел, пришло тепло, ушла стужа, а кладбища остались. Раньше их называли свалками, а теперь только так, не иначе. Кладбище. Чего тут только не встречалось. И не только разнообразные корабли, хватало и другого, не менее интересного хлама. Но только со временем всё опаснее стало лазить и копаться в этом мусоре. Безжалостное время брало своё. Изредка по огромному кладбищу словно тяжёлый вздох прокатывался, это очередной изржавевший остов не выдерживал давления времени и своих более везучих, а значит и лучше сохранившихся товарищей, и с грохотом, лязгом сминающегося железа в клубах рыжей пыли складывался в плоскую лепёшку.

Вот поэтому и считалось это кладбище опасным, и редкие команды поисковиков обходили его стороной. За прошедшие годы отсюда всё ценное было вытащено, а рисковать попусту из-за ржавого металла своими жизнями никому не хотелось. Если только пробраться в самую глубь, там ещё можно пожить, но... Вот это самое но и кормило таких пацанов, как Славка. Поисковику было что терять, свои жизни они ценили, а пацаны... Они по молодости лет даже и не задумывались об этом, просто существовали в этих ржавых джунглях.

Только на окраине ютились никому не нужные нищие, пытающиеся оторвать где-нибудь поблизости плохо держащуюся железяку и потом пристроить её торговцу в поселке за бутылку ядовитого пойла. Даже вооружённая фермерская охрана опасалась соваться на территории, занятые нищим кланом. Причудливые норы в слежавшемся мусоре и железе надёжно защищали в своих глубоких лабиринтах не только их законных обитателей, но и попадавших в их руки редких

пленников. Что там с ними происходило, никто не знал, кладбище надёжно хранило свои секреты. Изредка из этих нор выползали рахитичные детишки с тощими конечностями и синими личиками, грелись на горячем металле, подставляя свои тельца под обжигающие лучи солнца, и с наступлением сумерек уползали обратно. Впрочем, уползали не все, кое-кто и оставался, предпочитая сдохнуть под чистым небом и на свободе. И дошли от зверья, от своих же соплеменников, с наступлением ночи выходивших на охоту. А некоторые выживали, постепенно набирались сил, крепили и становились кошмаром бывших своих соплеменников. Так что хватало на кладбище и подростков и взрослых, которые держались друг от друга подальше, изредка объединяясь в крепкие банды, наводящие ужас на эту огромную территорию, державшие в страхе всех добытчиков дешёвого барахла.

Такая озверевшая от выпитого, опустившаяся до скотского состояния группа и убила старого деда, оставив Славку без единственного дружественного плеча. Убили за несколько испорченных приборов с прижавевшими зелёными стрелками, разбитыми стёклышками и сохранившимися кое-где полустёртыми буквами. Дед только и успел оттолкнуть мальчика за ржавый остов небольшого буксира и прокрипеть: «Беги».

Вцепившиеся старику в горло грязные сморщенные руки с чёрными длинными когтями более всего потрясли мальчишку и запомнились навсегда. До сих пор снятся, тянутся к лицу, вызывая безотчётный ужас и страх. Сколько раз просыпался в слезах, пока не сгладилась острая горечь утраты. Потому и прячется с тех пор не на самом кладбище, а недалеке, на заросшей кедровым стлаником сопке.

Растительность низкая, густая, как раз мальчишке по пояс, ходить тяжело, только по одному ему известной стёжке. Зато весь склон видно, густые заросли таволожки далеко внизу полностью закрыли русло небольшого ручья, откуда и берёт пресную воду вся окрестная шушера. И никто голову не забивает, можно ли пить эту воду. Хотя слухов о том, что кто-то от этого помер, не доходило. А больших деревьев в округе нет, давно на дрова извели. И вырасти так и не дают, рубят. Говорили, что где-то далеко на севере ещё осталась почти нетронутая тайга, где остались нетронутыми города и производства, где люди живут совсем не так, как на этой отдалённой окраине, хотя Славка этому не особо верил. Как оно всё могло сохраниться, если суши той осталось по слухам всего ничего? Дедовы же рассказы часто вспоминаются. Жаль только, не доучил старый мальчика, не успел передать многое из того, что знал сам. Сначала всё отговаривался, мол рано, молод ещё, а потом спешил-торопился, как будто знал, что не успеет передать ему свои знания. Откуда у него столько их? Никогда не рассказывал, сколько не упрашивал. За более чем полтора века, прошедших со времён большой войны заросли раны на теле земли, кое-как организовались выжившие люди. Те, что остались, потому как осталось их очень мало. Сначала друг друга резали за кусок хлеба, потом власть делили, как будто сохранилась где-то эта власть, потом банды появились и остались. Стало как-то понятнее жить. Всё это рассказывал старый дед, передавая свои знания пацану. И учил кроме этого счёту и письму, и ещё кое-чему, о чём строго-настрого запретил рассказывать кому бы то ни было...

Потянулся худым жилистым телом на мягкой лежанке из лапника, вытянулся с наслаждением, распрямляя залежавшиеся мышцы, зажмурился на ласковый лучик и накатившие воспоминания, щёлкнул пальцами, зажигая маленький светлячок над головой. Вот это и было самым главным секретом, которому обучал дед. Магия. Этим незнакомым словом называл учитель различные фокусы, которые мог делать сам и которые вдабливал в мозг своему ученику. Редкость в этом мире. Впрочем, это тут, на кладбище, редкость, среди бомжей и бродяг. А вот в посёлке таких умельцев много. Но там и жизнь совсем другая, сытая и чистая. Вот только мне туда ходу почти нет. Кто я такой, без документов и денег? Только лакомая добыча для любого торговца. А если узнают, что я магией владею, то бандиты меня даже на этой сопке найдут и продадут какому-нибудь перекупщику живого товара. Это если не заставят на себя задаром горбатиться. Впрочем, не всё так плохо. Иногда в посёлок я всё-таки пробирался. В основном в сумерках. Стучался в плотно закрытые знакомые ставни, прошмыгивал в открывшуюся на условленный пароль дверную створку из тяжёлой броневой корабельной стали. Сюда изредка мы заходили сначала вместе с дедом, сдавали редкие найденные вещицы, приобретали на вырученное необходимые для жизни вещи, а потом и сам, один. Деда давно нет, а связи остались. Теперь одному приходится работать. Летом хорошо, можно и так прожить, а вот с наступлением холодов становится тяжело, накопленные за жаркие месяцы деньги и запасы быстро заканчиваются, и приходится чаще наведываться в посёлок к знакомой двери. А ещё можно с окрестной посёлку сопки вдоволь полюбоваться огромными воздушными машинами,

изредка проплывающими высоко-высоко в безоблачном небе, которые связывают этот отдалённый архипелаг с цивилизацией. Рассказывал иногда дед об этой цивилизации, с чужих, правда, слов. Сказки всё это. Не верил я деду, не бывает такого. Настоящая жизнь вот она, перед глазами, все так живут. К посёлку только маленькие морские баркасы подходят, дымят паровыми трубами, продовольствие привозят и торговцев с разнообразными товарами для хозяйства. Ведь на весь остров это единственный крупный посёлок. Хотя мелких хозяйств на архипелаге хватает. Фермеры в основном. Морепродукты выращивают, ракушку, трепангов, морских ежей, даже водоросли. И тут таких ферм много, вот только не пристроиться туда, желающих уж очень много. Можно и уголь ломать в открытом карьере, туда в любом возрасте можно пристроиться, но только очень уж там тяжело, никакого здоровья не хватит. Поэтому и остаётся единственным источником дохода для беспризорных пацанов заброшенное старое корабельное кладбище.

Правда, в последнее время начал чаще задумываться, откуда-то ведь эти баркасы приходят, где-то берут товары на обмен и для торговли? Может, действительно, есть где-нибудь эта цивилизация? Иначе для кого фермеры свои ракушки выращивают? Не для местных же... И эти огромные туши, изредка парящие высоко в небе, вызывали многочисленные вопросы.

Погасив светильник, выбрался из низенького шалаша, осмотрелся по сторонам. Сигналка ночью не срабатывала, но всё равно лучше осмотреться. Только вот такая перестраховка и помогает выжить среди местного контингента. Сколько раз бомжи и бандиты пытались подкараулить, когда уставший

и вымотанный до черноты в глазах выбирался из ржавых останков, и отобрать котомку с хабаром, да не вышло у них ничего. Один раз даже удалось завести их в заранее установленные самодельные ловушки, напроць отбив охоту охотиться за собой. Тогда и получил непонятную кличку. Мангустом прозвали. Узнал потом, что зверёк этот невелик, но очень храбр и ловок. Это хорошо, не обидно, пусть обзывают. А по имени меня уже никто, кроме единственного в посёлке знакомого торговца и не помнит. Да.

И ловушки тогда как пригодились. Хорошо потом поживился с бандитских тел, не рискнули их подельники лезть в ржавые рассыпающиеся железки и вытаскивать своих погибших товарищей из опасного места. Пригодилась и одежда и оружие. Оружие — это громко сказано, так, несколько плохоньких ножей и пару самострелов с короткими железными штырями. Ножи потом продал через того же торговца, а самострелы пока приберёт, пусть лежат, они есть не просят. Зато зимой можно будет с их помощью охотиться. Есть на кого. Да и не стоит продавать такие приметные вещи. Сразу слух пройдёт. Если пока меня только подозревают в гибели бандитов, то потом точно уверятся. И обязательно найдут. Вот ещё одна причина не попадать живому в их цепкие ручонки, порвут, а остатки продадут. Это если не заставят батрачить на банду. Так и скрываюсь от всех. Хорошо ещё, что старый торговец не сдаёт никому, слишком давние и хорошие отношения его с дедом связывали. Вот благодаря той памяти и стариковской дружбе и держусь. Ну и, конечно, вколотенным насмерть дедом навыкам. Спасибо старому.

Есть ещё одна непонятка в копилку многочисленных вопросов, на которые пока не нашёл отве-

та. Сколько различного добра за прошедшее время находили вместе с дедом на кладбище, одних только разнообразных ножей даже не пересчитать, среди них попадались настолько красивые и прочные, даже я это понимаю, огнестрела только не попадалось, но разнообразные патроны находились. Всё это сдавалось торговцу, и куда потом уходило? Ведь кроме нас все местные живут с этой свалки, уж себя-то могли обеспечить хорошими вещами, так ведь нет. Почему? Почему на острове только дрянные ножи и самострелы? Почему бандосы ходят с таким отвратным оружием? Ведь могли бы иметь что-то более подходящее им по статусу? Хотя, справедливости ради, есть у них хорошие вещи. И ножи, и огнестрелы. У верхушки. Вон сколько вопросов, ответы бы получить. Можно попытаться опять спросить в лавке, но так не хочется получить в ответ пожелание не лезть не в свои дела.

Сегодня день отдыха. Вчера вымотался до потери сознания, ползая по тёмным переходам, обдирая об иззубренный ржавчиной металл руки и колени. Даже перчатки и защитные щитки на ногах не помогали. Ладно бы нашёл что полезное, а так только одна труха. Один раз было обрадовался, когда наткнулся на остатки огромного рефрижератора, да только радость та оказалась преждевременной. Драгоценные трубки прямо в руках рассыпались. От расстройства даже не стал дальше пробираться, разом силы закончились. А вот после ночи, отдохнувшему, умные мысли в голову и пришли. Надо будет по каютам пошарить, должно же там что-нибудь найтись? Каюты стоят закрытые, похоже, никто по ним не лазил. Иначе двери бы нараспашку стояли. Вот и радовался с утра. А ещё к морю обязательно пробраться надо. Есть там одно укромное

место, куда редко кто забредает, потому что очень уж неудобно туда пробираться. Сначала нужно по каменистому склону спуститься к воде, потом долго прыгать с одного валуна на другой, оскальзываясь на подсыхающих водорослях, постоянно вглядываясь в набегающие волны, не таят ли они какой-нибудь угрозы. Такая тварь может из глубины вылезти, мало не покажется. Одна надежда на выученные заклинания. Можно их огоньком прижечь и отогнать. Не любят они его, опасаются. Зато на заветном месте под серой нависающей скалой, на каменистом пляжике можно набить котомку разнообразными съедобными ракушками. И рыбу половить, если есть такое желание. Рыбы в океане много, есть съедобная, а есть и ядовитая, которую даже в руки брать нельзя. И уйти из-под скалы необходимо до вечернего прилива, иначе не выплыть, сожрут морские твари.

У местных к морю отношение особое. Оно их кормит, оно их и убивает. Кто только в его глубинах не водится. Поэтому и не любят местные моря. Только фермеры с ним уживаются. И то сетями стальными огораживаются, контуры защитные ставят. Раньше часто гибли, а в последнее время приспособились, научились отбиваться. Видел издали как-то раз, как огромное морское чудовище на одну из местных ферм лезло. Такая стрельба была! Потом долго хозяйские лодки разорванные куски туши с воды подбирали. И правильно, нечего других хищников приманивать. Опять же еда хоть какая-то. Хорошо ещё, что в любимую бухточку таким монстрам хода нет. Мелко для них. Зато всяким ползучим змеям толщиной с бочонок и длиной в половину сухогруза или морскому крокодилу там привольно. Вот против них огонь милое дело. Не любят они его. Зато на них потренироваться в заклинаниях можно

волю. Не то что на общем берегу. Просто так ведь совсем не интересно, да и заметить могут. А тут нет никого, кто по своей воле и в трезвом уме по камням в воду полезет. Да никто, кроме меня, конечно. Что? Думаете сдурел? А вот когда на тебя оскаленная зубастая морда из воды выныривает, вот тогда и колдуется быстрее, и дополнительные силы на магию откуда-то берутся. То-то. Главное, до прилива успеть уйти.

Вот такие мысли болтались в голове, цепляясь одна за другую, пока сухое жилистое тело привычно пробирается на знакомое с детства местечко. Корабль может и подождать, никто не рискнёт лезть в эти дебри, а вот пустой живот ждать не будет и уже с самого утра недвусмысленно подгоняет своего хозяина к поискам необходимой для жизни пищи. Никто сегодня не потревожил меня, не помешал своим присутствием ловко пробраться по скользким мокрым валунам в сторону заветной бухточки. Аккуратно спрыгнул с высокого камня на мокрый галечник, провалился по щиколотку, выдернул намокшие ноги, перебрался на сухое. Тихо тут, от ветра и солнца скала прикрывает, в оставшихся после недавнего шторма лужах мальки шмыгают. «Ну что, посмотрим, что мне сегодня море подарило?» — с этой мыслью скинул с плеч котомку, развязал слабо затянутый узел и осторожно шагнул в сторону ближайшей лужи, осматриваясь по сторонам и вслушиваясь в монотонный рокот волн.

Сегодняшний выход оказался удачным. Расщедрилось море на подарки. Кроме огромных чёрных мидий щедро одарило огромными же гребешками и песчанками, нашлось и несколько склизких, пупырчатых морских огурцов. Будет жареная вкуснятина. От одной только этой мысли предательски